

По дороге из Валмиеры...

Дорога, ведущая из Валмиеры в Мурьяни, прямая и гладкая. Встречные машины почти не попадают. Такая дорога могла бы укачать, если бы сквозь открытые окна машины не долетали запахи земли, если бы только что пережитое вновь и вновь не напоминало о себе.

Кое-где мелькают огоньки домов, стоящих вдоль дороги, над землей дымится туман, хмурое небо отсвечивает в воде. И когда на мгновение ты останавливаешь машину, тебя охватывает удивительный покой, которого так жаждет взволнованная душа. Кто знает, может быть, именно такая поездка сквозь летнюю ночь необходима, чтобы понять — человек может жить в согласии с собой и миром только тогда, когда он умеет найти равновесие между сильными эмоциями и удивительной тишиной: гармония, царящая в природе, прекрасный пример для человека в его поисках внутренней гармонии, для художника, которому так необходимо душевное равновесие...

Минут двадцать назад окончился спектакль Государственного Валмиерского театра драмы им. Л. Паэгле. Только что ты прикоснулся к чуду искусства, и эта тихая дорога сквозь ночную Видземе наталкивает на размышления и, прежде всего, заставляет думать о том, каким грандиозным может быть это чудо и каким простым!

Петерис Луцис — живая легенда латышского народа. Скоро минет сорок лет с тех пор, как он снялся в фильме «Сын рыбака». И до сих пор представление об артисте ассоциируется у нас с Оскаром Клявой — большим, красивым и нежным, неговорчивым и спокойным человеком. Это можно назвать феноменом искусства. И в этот вечер, 11 июня,

когда Луцис вышел на сцену в роли Матиаса Клаузена, зал встретил его аплодисментами. Это было выражение давней любви. И — аванс, так как за двадцать семь лет Петерис Луцис не сыграл ни одной роли. Он был только режиссером. Воспитателем актеров, который умел, не испытывая зависти, жить чужими удачами.

И вот сейчас, когда Луцису скоро исполнится семьдесят, он решил сыграть главную роль в пьесе Гауптмана «Перед заходом солнца». Не знаменательно ли, что Матиас Клаузен своей энергией, оптимизмом, нравственной чистотой чрезвычайно близок актеру? И Оскару — сыну рыбака, ведь и он объявляет войну подлости, неблагодарности, низости, ведь и он во имя любви способен отказать от привычного, от близких, от всех благ мира.

И, может быть, поэтому сразу же после начала спектакля приходит мысль — да, это второе рождение, перевоплощение Оскара. Этот образ на долгие годы войдет в сознание народа как символ силы и честности, как утверждение того, что и перед заходом солнца человек может жить красиво, может осмелиться быть счастливым, что плоть его может быть уничтожена злом, но дух останется свободным и непокоренным.

Эта неподвластность злу, разоблачение и осуждение зла сообщают спектаклю валмиерцев актуальность. Мы лишней раз убеждаемся, как современно может звучать классика, если актер преподносит ее нам обогащенной психологическими нюансами, насыщенной глубокими чувствами — от окаяния счастьем до горечи разочарования, как делает это Петерис Луцис. И с характерной для него полной отдачей. Этические проблемы, лежащие в основе классики, не могут уста-

реть, и нет никакой нужды их модернизировать специально придуманными трюками.

Разве не могут сегодня Лир и Клаузены обвинить детей, которые знают только о своих правах и забывают об обязанностях? Разве не надо время от времени напоминать — уважайте отца и мать, не забывайте заслуг старшего поколения? Разве не надо предостерегать от лицемерия и слепой злобы?

Клаузен Петериса Луциса страстно напоминает об этом. И, может быть, потому, что он негибает в своей правоте, с еще большей силой раскрывается трагедия отца, жертвы мракобесия.

Недавно в одной статье в «Литературной газете» был дан полемический заголовок «Должна ли трагедия потрясать?» Помоему, — да, должна потрясать. Если я иду на трагедию и добровольно отдаю себя во власть переживаний, то я имею право испытать это переживание сполна, получить сильный заряд, который долго еще будет поводом для размышлений. Но у нас, к сожалению, преобладают спектакли, в которых мы сталкиваемся с мелкими чувствами и проблемками. Из такой драматургии и проистекает актерская умеренность. А спокойное исполнение роли, вернее, неисполнение, нередко встречается и там, где пьеса дает богатейшие возможности жить на сцене большими чувствами, которые, например, совершенно необходимыми считал Михаил Чехов. И только тогда, когда вспыхнут эти большие чувства, зритель испытывает потрясение, которое мы и называем чудом искусства.

...Вьется ночная дорога среди леса, текут мысли. Да! Петерис Луцис в этом спектакле не шадил своих сил. Он исчерпал себя до конца. И в то время, когда кое-кто из его зрителей уже далеко от Валми-

еры, он, вероятно, сидит в гримерной очень усталый. Даже радость, подаренная ему любовью зрителей, не так скоро выведет его из гримерной. А как же иначе? Как без такой требовательности к себе может играть актер? Тем более — народный артист?

О многом думается по дороге из Валмиеры. Хотя бы об актерской культуре. Как прозвонит Луцис текст — ясно, отчетливо, его слышит весь зал. Как подчеркивает каждый жест! Первые шаги по сцене, первые реплики... И мы уже верим: да, очень возможно, что молодая девушка по-настоящему полюбила этого все еще красивого, убеленного сединами человека!

Думаешь и о силе реалистического искусства — бессмертного, могучего. И здесь к месту добавить, что спектаклю повезло с режиссером. Гость из Риги Ольгерд Дункер и Петерис Луцис в искусстве — единомышленники. Оба видят воздействие реалистического искусства в его простоте, точном внешнем рисунке спектакля. В тщательно разработанном спектакле «Перед заходом солнца» есть несколько блестящих режиссерских находок. Но, по моему, самая большая заслуга Дункера в его... скромности. Он нигде не пытается выделиться, не довлеет над автором и исполнителем. Наоборот — он «умирает в актере».

Синтез Луцис — Дункер оказался счастливым. Думается, он станет образцом для всего состава исполнителей, станет уроком реалистической психологии. Соприкоснувшись с щедрым мастерством Луциса, обогатит себя не только молодая Б. Валанте, которой доверена роль Инкен — поздней любви Клаузена, но и опытные мастера Валмиерского театра.

...Уже подъезжая к Мурьяни, я подумала, что необходимо написать рецензию на спектакль. Но сердце было так переполнено радостью, что толковой рецензии все равно бы не получилось. И поэтому пусть простят меня другие исполнители, имен которых я не упомянула. Могу только сказать — спектакль этот надо видеть.

И. Соколова,
доктор филологических наук.

25 ИЮН 1977

СОЛОС РИГИ
С. РИГА